

Григорий ЧХАРТИШВИЛИ, писатель:

«Б. Акунин» позволил мне жить так, как давно хотелось

известия — 2003 — 23 дек — с. 13.
(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Разделяете ли Вы утверждение Вашего героя, что «из всех наслаждений, отпущенных человеку, самое изысканное — шевелить мозгами», или это просто красивая литературная фраза?

— Это мнение моего героя. Шевелить мозгами — безусловно, наслаждение, но я мог бы назвать целый ряд и других занятий, не менее приятных.

— В высший момент любовного наслаждения Ваш герой прозревает, что не только тело не живет без души, но и душа без тела существовать не может. А когда это поняли Вы?

— Простите, но на интимные вопросы перед публикой я не отвечаю.

— Когда Вы писали хокку, заканчивающие каждую главу второго тома романа, то специально считали слоги, чтобы попасть в канон, или легко складывали их на слух?

— Конечно, считал. Но теперь, перечитывая, вижу, что у меня проблемы с арифметикой — пару раз обсчитался. Между прочим, в непривычном для европейского уха ритмическом ряде 5—7—5 слогов тоже есть своя мелодика, просто ее не сразу начинаешь чувствовать.

Вопросы г-ну Б. Акунину про секреты творчества

— За два первых года существования проекта «Б. Акунин» Вы написали 5 романов и 2 повести, потом темп заметно спал. Беллетрист Акунин устал?

— Выбрал всю руду, находившуюся на поверхности. Для того чтобы продолжить добычу, пришлось прикладывать дополнительные усилия. И еще: в моем виде спорта нужно каждый раз прыгать выше, чем в прошлый. Во всяком случае, поднимать планку. Иначе утрачиваешь самоуважение.

— Пишете ли Вы регулярно, с заданной самому себе дневной нормой? И что делаете, когда не пишется, а надо?

— Устраиваю перерыв. Прелесть моей профессии в том, что у меня нет надсмотрщика. Хочу — пишу, не хочу — не пишу. Но моя методика довольно хорошо разработана, поэтому роман пишется по плану, вроде как строится дом. Этап за этапом, этаж за этажом. Я ведь не прислушиваюсь к музыке сфер, я конструирую остросюжетные тексты, а это дело инженерное.

— «Пелагия и красный петух» — это пародия на Евангелие или простые литературные счеты со Львом Толстым и Михаилом Булгаковым? Это вызов безбожника или литературная игра? Если игра, то не кажется ли она Вам дерзкой, не боялись ли Вы ею задеть чьи-то искривленные религиозные чувства?

— Волков бояться — книжек не писать. А что такое «Красный петух», я объяснять не стану. Захотелось мне написать такую вот книжку — и написал. И дальше пусть читатель сам думает, что это: желание подразнить гусей, раздражение на тесные рамки жанра или что-то еще.

— Что делал г-н Фандорин 25 октября (по старому стилю) 1917 года? Дата и причины его эмиграции? Пытался ли он служить родине при большевистском правительстве, хотя бы в первые годы его существования?

— Эти анкетные вопросы повольте оставить без ответа.

— Пелагию в «Красном петухе» Вы отправили в жизнь вечную, она ушла из реаль-

Григорий Чхартисвили очень похож на Бориса Акунина

ного мира туда, куда и должна была уйти по ее вере. Куда Вы отправите рационалиста Фандорина, когда ему придет время умирать?

— Это совершенно секретная информация.

— В «Пелагии и красном петухе» епископ Митрофан дает свой ответ на вопрос «как нам обустроить Россию?». Когда Вы этот ответ сочиняли, думали ли о том, что кто-то может его прочесть и принять как руководство к действию? Ну хотя бы надеялись?

— Я что, Солженицын, что ли? Я никого ничему не учу, ничего не проповедую, ни к чему не призываю. Но я живу в России, думаю о ней, у меня есть свои фантазии. С Митрофанием я в целом согласен, но, по-моему, он слишком хорошо думает о людях. С другой стороны, разве не должен хотя бы пастырь считать нас лучше, чем мы есть на самом деле?

— Когда и при каких обстоятельствах Вам явился Эраст Фандорин? А монахиня Пелагия?

— (Не раскрыл секрета.)

Вопросы литератору Григорию Чхартисвили

— Ваш выход в беллетристику был очень эффектен. Два романа все ломали голову, кто скрывается за псевдонимом Б. Акунин. Почему Вы закончили мистификацию? Признать, была она задумана холодно или Вы все же просто страшились неуспеха на новом поприще?

— Страхился. Я небольшой любитель перформансов и заигрываний, хотя у прессы, кажется, сложилось иное мнение на мой счет. Мне было бы неприятно и стыдно перед знакомыми, если бы моя затея окончилась провалом, а такая вероятность, разумеется, существовала. Когда мне стало ясно, что расчет оказался верным, я сразу перестал прятаться.

— Как-то Вы сказали, что являетесь беллетристом и выписываете на бумагу не душу, а чернила. А во что вкладываете душу?

— В жизнь.

— Вы подарили Эрасту Фандорину и Б. Акунину литературную жизнь. А чем они отблагодарили Вас? Насколько ценны для Вас их явные подношения — слава, деньги, возможность не ходить на службу? И были ли от них какие-то другие, не столь очевидные для всех подарки?

— Мне грех жаловаться. Проект «Б. Акунин» позволил мне жить так, как давно хотелось: во всех смыслах свободно, занимаясь приятным и осмысленным делом. Вот теперь я возьму год отпуска, подумаю, как мне жить дальше, и осуществлю свои еще подростковые мечты: сплаваю вокруг света, наконец выучу французский, может быть, и еще кое-что сделаю. И другие подарки тоже были — возможно, даже более важные, чем свобода. Например, открытие, что у нас в стране живет много людей, которым интересно то же, что интересно мне. Я избавился от интеллигентского комплекса аутсайдера.

— Не испытываете ли Вы некоторой неприязни к беллетристу Б. Акунину за то, что он превзошел литератора Григория Чхартисвили в популярности? И не является ли Ваше желание покончить с детективами мстостью Б. Акунину?

— Уф, Ольга, что за литературщина!

— Есть два популярных высказывания: «не надо путать автора с персонажем» и «мадам Бовари — это я». Но как бы то ни было, о чем бы человек ни писал, всегда в голове у читателя складывается его образ. После чтения романов о Фандорине и монахине Пелагии у меня почему-то сложилось несколько представлений о детстве и характере г-на Чхартисвили. Насколько они верны: — его в детстве дразнили «рыжим»...

— Меня в детстве никак не дразнили. К тому же до подросткового возраста я был белобрысым.

— в школе он плохо успевал по физкультуре...

— Нет, по физкультуре у меня «5». Я занимался сначала в секции, потом боксом. Вот по труду был трояк — руки растут не из того места.

— он в жизни много и искусно играл (в карты, например), но ему редко везло...

— Играл много и с удовольствием, в том числе и в карты. Радовался, когда выигрывал, и не расстраивался, когда проигрывал. Выигрывал чаще, чем проигрывал.

— ему сильно не повезло в первом браке или в первой большой любви...

— Не сказал бы, но во втором браке повезло существенно больше.

— ему всегда было трудно находиться в православной церкви...

— Ничего подобного. Я терпеть не могу те православные храмы, откуда гоняют бомжей и где злобно шипят на женщин: «Платок надела, быстро». По счастью, у нас есть и другие церкви, нормальные.

— он никогда не участвовал в школьных спектаклях, предпочитал выдумывать истории, которые не рассказывал даже друзьям...

— Про истории — стопроцентное попадание. Это была моя любимая детская игра, и я действительно никому свои сочинения не пересказывал. А в школьных спектаклях играл, хоть и без успеха. Главная роль — во 2-м классе: третий придворный в «Золушке» с одной репликой.

— он в отроческие годы любил долго гулять по Москве, предварительно наметив маршрут по карте...

— Такого за собой не помню.

— когда он впервые прочел про сэппуку, это так его потрясло, что он твердо решил уйти из жизни красиво и самостоятельно...

— Такого не было. Про сэппуку я впервые прочитал в «Приключениях капитана Врунгеля» и очень смеялся.

— он терпеть не может делиться личными проблемами даже с близкими...

— Я действительно не люблю навешивать свои проблемы на других людей.

— он любит города, потому что чувствует всех людей, которые в них жили, а прихода для него пуста...

— Ваша правда. От чистого деревенского воздуха у меня болит голова. Моя среда — Большой Город, он заряжает меня энергией. Особенно Москва. Волшебное место. У меня с ним специальные отношения.

— в отрочестве он заставлял себя исследовать кладбища, которые его пугали, чтобы закалять волю; потом это вошло в привычку и стало профессиональным интересом...

— Нет, что Вы. Я очень боялся покойников, привидений и тому подобного. До сих пор с трепетом вспоминаю страшные сказки, которые рассказывали по ночам в детских лагерях: «Гроб на колесах», «Желтые перчатки», «Дети-дети, закройте дверь».

— он (или кто-то из его близких) страдал от мигрени (иначе как можно было сочинить хокку «Самый верный друг, / Ты по-прежнему со мной, / Головная боль»)...

— Было такое, было.

— он ненавидит японскую кухню и предпочитает ей грузинскую...

— Очень люблю и ту, и другую. И китайскую.

— он считает себя русским человеком, и грузинского в нем одна фамилия...

— И отчество. И место рождения. Но русский, конечно, русский. С примесью японской крови.